

Дамина Шайбакова

Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Казахстан)

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ¹

Плюрицентрический характер русского языка дает основания для создания особой модели его описания, с учетом разнообразия функциональных вариантов. Функциональные типы русской речи неоднородны как на исконной территории, так и за ее пределами, в иноязычной среде. Их классификация определяется отношением к стандарту. Под стандартом мы будем понимать кодифицированный литературный язык с его грамматикой, словарем, нормами произношения. С учетом территориальной и социальной стратификации гетерогенность общенародного языка описывается в терминах кодифицированного литературного языка, разговорной речи, просторечия, территориальных диалектов, социолектов. Здесь в синхронном плане в меньшей степени учитываются последствия языковых контактов, однако в приведенной парадигме должно быть место и для форм неисконной речи, а она сложнее, чем исконная.

Под влиянием новых геополитических условий русский язык существенно изменился. По отношению к идиому на неисконной территории применяют термин региональный вариант языка, неубедительность которого очевидна: региональными следует признать и различия в употреблении на территории России даже в среде исконных носителей языка. За пределами исконного ареала формируются экстерриториальные варианты, которые имеют специфические черты, достойные научного исследования. Их отличает насыщенность локализмами не только на уровне речи и узуса, но и отчасти в системе, причиной тому являются тесные контакты языков и культур. В них могут формироваться новые нормы. Среди экстерриториальных вариантов русского языка различают язык постсоветских стран, некогда входивших в единое языковое пространство, и острова русского дальнего зарубежья с нерегулярной языковой практикой. Нужно отметить, что терминологического порядка в обозначении коллектива говорящих (социального

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК (грант 1930/ГФ4).

субстрата, по выражению Е. Д. Поливанова (Поливанов 1968: 228) и разновидностей русского языка за пределами исконной территории нет.

Русский язык в ряде постсоветских стран (Казахстан, Белоруссия, Кыргызстан), в отличие от языка диаспоры дальнего зарубежья, сохраняет более тесные связи с материковым языком ввиду большого массива говорящих и широты сфер использования. Но, являясь компонентом разноязычной коммуникативной системы, в диахронии он накапливает отличительные черты. Объединяет же все варианты фактор иноязычного и инокультурного влияния ареального характера. По этой причине языковой код существенно увеличивается, что и создает своеобразие речи на этом языке. Однако в постсоветских странах, в отличие от эмиграции в дальнем зарубежье, постоянная активность языка во многих сферах коммуникации, инерция его применения, использование обоих каналов – письменного и устного – создают условия для регулярного и массового проявления типизированных черт. В этом ареале во многих ситуациях де-факто функционально русский язык продолжает оставаться языком межнационального общения. Данная функция ограничено проявляется в дальнем зарубежье, где родной язык в эмиграции чаще становится средством семейного общения или выполняет символическую функцию идентичности.

Еще одним функциональным типом является русский язык как иностранный, когда он изучается в условиях искусственного (аудиторного) билингвизма. Основной особенностью этого идиома следует признать то, что при его освоении актуализируются функции фатическая, гносеологическая, функция трансляции культуры и только при достаточно хорошем владении – функция коммуникативная.

Каждый из типов русскоязычия имеет свои особенности, обусловленные факторами экстралингвистическими. На них обращают внимание специалисты и в соответствии с этим формулируют цели и задачи исследования. Если задачей лингвиста, исследующего стандартный язык, является анализ внутренней организации и речевых особенностей, то научное описание языка на неисконной территории в первую очередь учитывает иноязычное и инокультурное влияние на уровне речи, узуса, прагматики. Соответственно, набор параметров, привлекаемых для описания языковой компетенции эмигрантов или языка межнационального общения, отличается от описания стандартного языка.

В билингвальной языковой общности качество русской речи оценивается по отношению к норме стандартного языка. Во-первых, проявляющаяся повсеместно тенденция к демократизации языка способствует энтропии литературной нормы и ведет к стилистически сниженным идиомам – сленгу, аргю, языку субкультур – во всех вариантах языка. Во-вторых, при смешении языков не всегда исконная и неисконная разновидности русской речи вне материковой зоны различаются четко, т.к. в них утверждаются общие

черты, отсутствующие в первооснове. В ситуации постоянных языковых контактов образуются пограничные формы существования языка. Они содержат знаки обоих языков и коммуникативные приемы обеих культур. В этих пограничных формах, в билингвальном социально-коммуникативном поле существуют стилистические различия. Есть нормоориентированное общение (билингвальная бикультурная речь, обладающая признаками высокого стиля), неисконность речи здесь выдают «чужие» дискурсивные приемы, отчасти девиантное употребление некоторых элементов. На другом полюсе находится билингвальная сниженная речь, отличающаяся нарушением норм стандартного не только второго, но и первого языка. Все это обуславливает большую сложность (многокомпонентность) функциональной парадигмы билингвальной коммуникации. В некоторых ситуациях на базе смешения языков формируется особый идиом, например, белорусско-русская смешанная речь с преобладанием русских элементов, т.н. трасянка, или суржик в Украине, лексика которого преимущественно из русского языка, а грамматика украинская (см. об этом: Курохтина). Характерной особенностью трасянки и суржика является то, что основой является русский язык. Отчасти это объясняется родством языков и широким распространением русско-украинского, русско-белорусского двуязычия. Однако это условие не является определяющим. Подобные идиомы формируются и в эмиграции на базе неродственных языков, например, квеля в Германии – смешанная речь, состоящая из немецкой и русской лексики, но с русской грамматикой. Общая их черта – энтропия нормы и стилистическая сниженность. Такие пограничные упрощенные идиомы называют пиджинами, жаргоном, просторечием, городским просторечием (см. об этом: Курохтина 2010).

Стилистически сниженная речь – это то, что Б. Бернштейн называл ограниченным кодом. Ограниченный код он рассматривает как владение языком, достаточное для удовлетворения потребности общения на бытовые темы, но недостаточное для обсуждения абстрактных идей, сложных научных понятий. Этот идиом характеризуется более бедным словарем, использованием простейших синтаксических структур, большей степенью предсказуемости. Ему противопоставляется развернутый код с меньшей степенью предсказуемости, богатым лексиконом и сложным синтаксисом (Bernstein 1966). Соответственно, у билингвов этот код наделяется дополнительными характеристиками интерференции и интеркаляции.

Терминологически более удачным, на наш взгляд, является термин просторечие, в социолингвистическом метаязыке часто используемый с определением «городское». Городским просторечием Б. А. Ларин называл общий разговорный «низкий» язык (см.: Ларин 1977: 188). Сейчас термин утратил определение «городское», т.к. использование этой формы языка не ограничивается городом, может быть, даже в большей степени она распространена в деревне. В русском языке термин «просторечие» указывает на социальный

фактор более отчетливо. В английском, например, употребляются термины *substandard language*, *nonstandard*, к которым относят все нелитературные формы языка.

Билингвальная коммуникация, так же как и монолингвальная, отражает социальную стратификацию языка, является маркером статуса говорящих. В рассматриваемом случае при обозначении пограничного явления, т.е. стилистически сниженной речи, в которой смешиваются элементы разных языков и культур, более точным, на наш взгляд, является термин «билингвальное просторечие». Это пограничный идиом, который имеет как ареальные, так и социальные причины образования. В Казахстане в силу моноязычия русских такого смешения, как в Украине и Белоруссии, в русской речи носителей языка не наблюдается. Оно есть в казахской речи. Нет также и локализации этого идиома, тогда как на социолингвистической карте Украины видно, что наибольшее распространение суржик получает на востоке и в центре страны, т.е. имеет ареальные черты (см.: Курохтина 2010: 10). В Казахстане билингвальное просторечие является повсеместным, но характеризует только казахско-русское двуязычие. Данный феномен изучают как явление лингвистическое, выявляя «слабые» участки языка, подвергающиеся мутации в речи билингва. Это предсказуемые случаи девиантности, потенциальная интерференция или интеркаляция, которые проявляются с наибольшей регулярностью и которые устанавливаются посредством диалингвального анализа. Это безэквивалентная лексика, синтаксические позиции и словообразовательные модели, максимально дистанцированные от первого языка билингва. Примером в грамматике может служить неправильное согласование по роду, в фонетике – зоны несовпадения гласных и согласных контактирующих языков. В меньшей степени в исследовательских трудах уделяют внимание билингвальному просторечию как форме социального поведения. Безусловно, социальное поведение индивида связано с его коммуникативной компетентностью и имеет определенные закономерности. Коммуникативная компетенция и социальное поведение есть функциональная грамотность говорящего или слушающего. Она не может быть абсолютной в билингвальной ситуации, потому что не может быть равновесного присутствия первого и второго ее компонентов. И то, и другое является предметом изучения психологов, социологов, педагогов. Для лингвистов имеет значение соединение разных кодов для решения коммуникативных задач. В общении билингвов вырабатываются стандартные формулы, стереотипы, модели интеракции. Например, в русской речи казахов императив, как правило, сопровождается обращением. Так, в билингвальном просторечии Казахстана распространены обращения посредством имен родства *братишка*, *брат*, *сестренка*, *сестра*, *отец*, *мать*, *земляк*, что является калькой казахского словоупотребления и объясняется особенностями прагматики казахской коммуникации. Данный ряд можно пополнить примерами обращений в оппозиции старший

– младший: *татешка, апашка* – обращение к старшей по возрасту женщине, *агашка* – обращение к старшему по возрасту мужчине. Просторечные диминутивы являются маркером русской речи, но основы слов казахские, которые понятны каждому казахстанцу, независимо от их языковой и этнической принадлежности. Казахской является сама рамка высказывания, его структура, ср.: *Татешка, ты чай пей*. Постпозиция глагола выдает черту казахского синтаксиса.

Другим ярким феноменом нелитературного билингвизма является молодежный сленг. Отмечается соединение элементов двух языков: *звондаймыз* – созвонимся, *колотить ету* – не обманывай, *умничатетпе* – не умничай, *мечтапсын* – размечтался, *нормалайсын* – нормально и т.п. В приведенных примерах корни слов русские, а аффиксы казахские. Обратный порядок (корень казахский, аффиксы русские) представляют следующие примеры: *рахметики* – спасибо, *токтановиться* – остановиться, *салемский* – привет. Такая незамысловатая языковая игра используется в целях юмористического эффекта. Подобная лексика формируется в стандартных ситуациях – приветствия, прощания, экспрессивной оценочной реакции.

В ситуации общения, т.е. взаимодействия, билингв прибегает к межъязыковой идентификации и корректирует коммуникативные стандарты. Часто это осуществляется переключением кода, т.е. переходом на казахский язык. Кодовые переключения, столь характерные для речи билингвов, также предсказуемы и могут быть выявлены посредством сопоставительного анализа дискурсивных схем казахской и русской коммуникации. Их функции: цитатная – подтверждение, аргумент, например, посредством обращения к казахской паремиологии, аттрактивная – с целью привлечения внимания, металингвистическая – для уточнения, прояснения, толкования значения в целях понимания, предметно-тематическая – для изменения темы разговора, компенсаторная – в случае отсутствия или незнания говорящим соответствующего слова русского языка. Переключение осуществляется как с помощью казахских, так и с помощью русских слов, например: *короче, также, ваще (вообще), еще вот* и т.п.

Если оценивать коммуникативное поведение билингва, то надо учитывать не только одностороннее влияние родного для него языка и родной культуры, но и то обстоятельство, что он вынужден приспосабливаться к модели иноязычной инокультурной коммуникации и использовать в коммуникации чужие элементы. Это то, что мы называем интеркаляцией. К явлениям культурной интеркаляции следует отнести суперлокальные ценности. К носителям малых языков они приходят вместе с культурной экспансией социально доминантного языка. В результате происходит смещение ценностных и символических феноменов собственной культуры. Крайним проявлением является их оттеснение на периферию, замена локального, своего, этнического фактами иной культуры, т.е. маргинализуются какие-то свои знаки и симво-

лы. При этом недостаточно полно и правильно воспроизводится чужое, ведь у билингва сохраняется личностное восприятие, происходит переработка личностного опыта. Фактор родной культуры и собственного когнитивного опыта играет важную роль. М. Фуко заметил: «Все факты культуры вписываются в контекст речевых или дискурсивных практик» (Фуко). Соответственно, в просторечной билингвальной коммуникации принятие чужих тактик неизменно страдает их искажением. Отсюда коммуникативные дефекты.

Изучение смыслов и концептов билингвального просторечия подводит нас еще к такому типу интерференции, как ассоциативная (см. об этом: Вайнрайх 2000: 127–128; Клоков 2000). Ассоциативная интерференция объясняется тем, что знания о мире обусловлены языковой практикой данного сообщества. Для семантизации чужого знака недостаточно только перевода, неизбежны свои ассоциации. Это сказывается в метафористике, образах сравнений, построении русской речи с казахскими речевыми приемами. Так, для казахской образной речи характерны зооморфные сравнения. Механическое перенесение их в русскую речь может не учитывать коннотаций. С. К. Сансызбаева отмечает разные коннотации в слове «лошадь»: «в русском языке лошадь – символ тяжелой, трудовой деятельности, а в казахском – символ свободы, красоты и грации» (Сансызбаева 2012: 160). Сравнение поступи, походки с лошадиным ходом является мелиоративным в казахской речи, но оно однозначно будет воспринято как оскорбительное представителями других культур.

В целом билингвальное просторечие имеет следующие особенности:

- условия и регистр общения не влияют существенно на выбор языковых средств в силу стилистической гомогенности дискурса;
- отмечается общая стилистическая сниженность речи;
- языки взаимодействуют при устном общении;
- фактическое незнание системы чужого языка часто сопровождается невысоким уровнем знания родного языка;
- нарушения касаются не только грамматической и фонетической правильности при употреблении заимствованных слов, но и их смысла;
- используются смешанные коммуникативные тактики и дискурсивные приемы;
- в словообразовании допускается оформление чужих корней аффиксами родного языка, и наоборот;
- используются образы сравнений и метафор, привычные для родной культуры;
- билингвы могут пренебрегать или не знать эвфемизмов для названия понятий, считающихся неэстетичными, неприличными (см.: Девкин 1984: 15).

Выводы: В билингвальной просторечной коммуникации дистанцированность от нормы объясняется отсутствием ее авторитета в речи на первом языке. Существует параллелизм функциональных типов билингвальной языковой личности: посредством фацилитации речевой опыт на первом

языке переносится в речь на втором. В результате утверждается пренебрежение литературной нормой в вербальном воплощении и культурными поведенческими нормами в невербальной коммуникации. При этом возможна интерференция разных типов: речевая, поведенческая, ассоциативная и др. Билингв в речи на втором языке ищет опору в родном языке, родной культуре, в своем когнитивном опыте. Все названные факторы формируют функциональный тип речи – билингвальное просторечие, оно представляет собой «не особую систему языка, а компетенцию носителей, это следы их воспитания, культуры, речевого поведения их социального круга» (Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 10).

Библиография

- Девкин В. Д. (1984), *О видах нелитературности речи*, [в:] *Городское просторечие. Проблемы изучения*, ред. Е. Земская, Д. Шмелев, Москва, с. 12–21.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. (2004), *Коммуникативная грамматика русского языка*, Москва.
- Клоков В. Т. (2000), *Французский язык в Африке*, Саратов.
- Курохтина Т. Н. (2010), *Межъязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия*, специальность 10.02.03 – славянские языки, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- Ларин Б. А. (1977), *О лингвистическом изучении города*, [в:] Ларин Б. А., *История русского языка и общее языкознание. Избранные работы*, Москва.
- Поливанов Е. Д. (1968), *Фонетика интеллигентского языка*, [в:] Поливанов Е. Д., *Статьи по общему языкознанию*, Москва, с. 225–235.
- Сансызбаева С. К. (2012), *Узуальные коннотативные особенности казахско-русских зооморфизмов*, «Вестник КарГУ. Серия «Филология», №4 (68), с. 157–162.
- Фуко М., *Слова и вещи*, <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt>.
- Bernstein В. (1966), *Elaborated and restricted codes: an outline*, [in:] «Sociological Inquiry», 36, 1966.

Damina Shajbakova

BILINGUAL VERNACULAR

(Summary)

In this article we discuss qualification of bilingual speech type, which is usually called nonnative speech, pidgin, colloquial speech. It is characterized by deviance, entropy of norm for all levels of language, speech and pragmatics. Verbal, behavioral, associative interferences are explained by the reasons that the bilingual in a second language speech looks for support in his own language, own culture, in his individual cognitive experience. All of the above form a functional type of speech, which I call a bilingual vernacular. It takes its own place in classification of functional

types of speech, increasing their paradigm due to nonnative speech implementation. In bilingual vernacular communication a distancing from the norm is explained by the lack of its credibility in native speech. There is a parallelism of bilingual speech functional types: by means of facilitation the native communicative experience is transferred into the second language speech.

Keywords: *bilingual vernacular, verbal, behavioral, associative interferences.*

Дамина Шайбакова

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ

(Резюме)

В статье представлены рассуждения о квалификации типа билингвальной речи, который называют неисконной речью, пиджином, нелитературной речью. Она характеризуется девиантностью, энтропией нормы на уровнях языка, речи, прагматики. Речевая, поведенческая, ассоциативная интерференция объясняется тем, что билингв в речи на втором языке ищет опору в родном языке, родной культуре, в своем когнитивном опыте. Все это формирует функциональный тип речи, который я называю билингвальным просторечием. Он занимает свое законное место в классификации функциональных типов речи, увеличивая их парадигму за счет неисконной реализации. В билингвальной просторечной коммуникации дистанцированность от нормы объясняется отсутствием ее авторитета в речи на первом языке. Существует параллелизм функциональных типов билингвальной речи: посредством фацилитации коммуникативный опыт на первом языке переносится в речь на втором.

Ключевые слова: *девиантность, энтропия нормы, речевая, поведенческая, ассоциативная интерференция, неисконная речь.*